

И. В. Бойко

Русские эмигранты и японское элитарное образование в Маньчжоу-го

*Памяти моего отца
Виктора Георгиевича Щебенькова,
доктора исторических наук,
профессора-востоковеда,
выпускника университета
Kenkoku (Кенкоку)*

Русская эмиграция в Китае в начале XX в.

Первая половина XX в. ознаменовалась активным перемещением русского населения в Северо-Восточный Китай. В этом процессе можно выделить несколько волн эмиграции. Первая волна была связана со строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Формальным основанием русского присутствия в Китае стало международное соглашение. 27 августа (8 сентября) 1896 г. в Берлине китайский посланник в Российской империи Сюй Цзинчэн подписал с правлением Русско-Китайского банка контракт о предоставлении права на постройку железной дороги через Маньчжурию¹. Данное соглашение и строительство железной дороги имело для Российской империи не столько хозяйственное, сколько геостратегическое значение, поскольку КВЖД была призвана сыграть важную роль в укреплении экономического развития Дальнего Востока, став базой для защиты интересов Российской империи на Дальнем Востоке². Этот факт отмечает целый ряд авторов³.

Бойко

Ирина Викторовна

д-р экон. наук, проф.,
Северо-Западный
институт управления
Российской академии
народного хозяйства
и государственный
службы при
Президенте РФ
(Санкт-Петербург,
Россия)

кальских казаков и нижних чинов экспедиционного корпуса регулярной армии, ожидавших увольнения в запас. Им предстояло выделить землю, которую в 1903–1905 гг. Россия получила в концессию на права долгосрочной аренды из расчета 3000 десятин на каждую станцию, включая Западную линию⁸. В Харбине осела и часть солдат русской армии, демобилизованных после войны с Японией в 1904–1905 гг.

Благодаря открытию в 1903 г. КВЖД товарооборот между Северным Китаем и Российской империей значительно вырос — с 27 млн пудов в 1907 г. до 75 млн пудов в 1911 г., т. е. почти в три раза. Россия ввозила в Маньчжурию (через Владивосток) муку, керосин, виноградное вино, машины, сахар, табак. В Россию с территории Маньчжурии ввозилось зерно и спирт, а также чай, соль, лес, хлеб и другие товары⁹. Спектр торгово-экономических связей существенно расширился, что привело и к значительному изменению состава русскоязычной диаспоры¹⁰. При КВЖД был создан свой флот, включавший около 20 пароходов и барж. Речные пути обеспечивали стройку песком, гравием, камнем, лесом. Появились новые поселения и города. Были распаханы и засеяны плодородные земли. Строились линии связи, открывались метеорологические станции, были разведаны и начали эксплуатироваться десятки месторождений полезных ископаемых, открывались мастерские и заводы, возводились школы, врачебные пункты¹¹. К началу Первой мировой войны русские частные вложения в Маньчжурии составили почти 91 млн руб.¹² В Маньчжурии было создано Главное колонизационное управление Хэйлунцзянской провинции (по типу русского Переселенческого), которое содействовало переселению на новые земли^{13,14}. Но следует учесть, что заключенный 23 августа (5 сентября) 1905 г. Портсмутский мирный договор, помимо прочих уступок со стороны России в отношении Японии, фактически прекратил действие секретного российско-китайского договора 1896 г. о союзе в отражении японской экспансии в Восточной Азии и строительстве КВЖД. Россия уступала Японии право на аренду части полуострова Ляодун с портами Ляюшунью (Порт-Артур), Далянь (Дальний), а также часть Южно-Маньчжурской железной дороги (часть КВЖД, соединяющая Харбин с Порт-Артуром; далее — ЮМЖД) — от Порт-Артура до Куаньчэнцзы (современный г. Чаньчунь в провинции Цзилинь). Таким образом, КВЖД оказалась в зоне японской политической и экономической экспансии¹⁴.

За время действия российско-китайского договора масштабы хозяйственного освоения и строительства поселений в северо-восточной части Китая существенно расширились. Так, фактически русские переселенцы, прежде всего занятые в строительстве КВЖД, создали город Харбин — впоследствии центр культурной, научной и хозяйственно-экономической деятельности. Управление по строительству КВЖД было размещено у р. Сунгари (Сунхуацзян), в месте ее предполагаемого пересечения с железнодорожной магистралью. Сюда в апреле 1897 г. прибыл авангардный отряд строителей. Здесь же был образован железнодорожный пос. Сунгари, преобразованный впоследствии в г. Харбин¹⁵. По мере увеличения грузооборота и роста доходов КВЖД также выделяло и основные инвестиции на развитие Харбина, что привело к росту численности его населения. К июлю 1911 г. численность населения

Харбина составила 59 677 чел.¹⁶ Но уже к 1920 г. в районе Харбина проживало около 150 тыс. граждан Российской империи, и еще 50 тыс. человек были разбросаны по всей Маньчжурии. КВЖД создала сеть школ, парков, больниц и других объектов социальной инфраструктуры и благоустройства для переселенцев¹⁷. Население города неуклонно росло, «привлекая местных и иностранных купцов, архитекторов, застройщиков, банкиров, предпринимателей и трудовых мигрантов из региона и из-за рубежа»¹⁸.

Вторая волна русской эмиграции в Северо-Восточный Китай была вызвана революционными событиями в России и последовавшей за ними Гражданской войной. Так, значительный по численности исход забайкальских казаков в Маньчжурию произошел в начале 1920-х гг. в связи с окончанием Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке¹⁹. Основными причинами эмиграции казачьего населения современные исследователи считают: участие казаков в вооруженной борьбе против советской власти, политику большевиков, направленную на ликвидацию казачества, коллективизацию и массовые репрессии. Селились казаки со своими семьями сначала на севере Китая — в Харбине, Шанхае, Маньчжурии, поближе к российской, а затем и советской границе с надеждой на скорую перемену обстановки в родной стране²⁰. Но в этот же период увеличивается численность и интеллектуальной миграции²¹. В Маньчжурию, и прежде всего в Харбин, прибывают ученые, профессора, представители культуры и искусства из Петрограда, Москвы и других крупных российских городов. Массовый приезд в Харбин в 1920–1922 гг. беженцев из России (по разным источникам, от 500 тыс. до 800 тыс. человек) обусловил открытие большого числа русских учебных заведений, в том числе высших²². Была создана русско-китайская школа для подготовки специалистов в сфере железнодорожного транспорта, которая готовила инженеров по двум направлениям: «Железнодорожное строительство» и «Электрические машины, машиностроение»²³, Государственный высший педагогический институт, Институт ориентальных и коммерческих наук²⁴.

В 1920 г. китайское республиканское правительство отозвало признание царских представителей в Китае и положило конец экстерриториальности России в зоне КВЖД, оставив русских в Маньчжурии без гражданства. В июне 1924 г. китайцы признали советское правительство, и две державы договорились, что и впредь они будут совместно управлять КВЖД²⁵. Некоторые сотрудники КВЖД уехали в СССР, другие (по некоторым оценкам, около 20 тыс. человек) зарегистрировались в советском консульстве, чтобы сохранить свои рабочие места, часть сотрудников приняла китайское гражданство, все прочие остались без гражданства, став «белоземляками»²⁶. В итоге, по разным подсчетам, в начале 1920-х гг. в Китае насчитывалось 300–400 тыс. выходцев из России²⁷.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. оформилась третья волна русской эмиграции в Северный Китай. Она была вызвана сталинской коллективизацией в 1928–1931 гг.²⁸ Как отмечает Клара Мустафайн, «Сталинская кампания принудительной коллективизации (1928–1931) привела к опасному путешествию из Сибири через реку Амур большой численности беженцев, гвардейцев и ка-

заков, а также бедных чернорабочих»²⁹. Но этот этап русского переселенчества в Китай оказался очень коротким по времени. Значительное влияние на переселение русских оказали последующие события и, прежде всего, захват Маньчжурии Японией в конце 1931 г.

Русская эмиграция в Маньчжурии в условиях японской оккупации

В сентябре 1931 г. Квантунская армия³⁰ оккупировала города, расположенные вдоль ЮМЖД в результате «мукденского инцидента». Прямым результатом данного инцидента стало создание государства Маньчжоу-го (Manchukuo)³¹. Как отмечает китайский исследователь Ксян Лиу, «Маньчжоу-го было образовано не столько для маньчжуров, сколько для создания многонационального государства, обеспечивающего равные права всем его гражданам»³².

В 1933 г. население Маньчжурии состояло из 35 млн китайцев (включая маньчжуров), около миллиона корейцев, около 220 тыс. японцев и около 100 тыс. русских³³. После уступки КВЖД японцам в 1935 г. численность русского населения в Маньчжурии значительно сократилась и составила около 50 тыс. человек, из них более 36 тыс. человек проживали в харбинском специальном муниципалитете (Harbin Special Municipality). Еще около 7 тыс. человек, преимущественно казаков, проживали вдоль левобережья реки Аргунь³⁴, вблизи города Хайлар³⁵.

В национальной политике, проводимой в Маньчжоу-го, были определены пять основных наций: японцы, корейцы, китайцы, маньчжуры и монголы³⁶, которые «жили под одной крышей». К группе «иностранцев» было отнесено в основном славянское население, или, как их иногда называли, «денационализированные русские». К примеру, в 1936 г. «денационализированные русские» составляли 78,57 % от общей численности иностранцев, проживавших в городе Мукден³⁷.

Для контроля над русским населением в Маньчжурии в 1934 г. японцы создали Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ). Только после регистрации в бюро эмигранты могли получить разрешение на резиденцию, документы, подтверждающие личность, и документы, необходимые для работы и перемещений на транспорте³⁸. В ноябре 1935 г. БРЭМ подготовило официальный отчет, согласно которому из всех зарегистрированных лиц старше 17 лет общей численностью 22 526 человек 12 275 были безработными. В категории «рабочих по найму», получающих доход, 712 человек были железнодорожными служащими, а 1968 — заняты в промышленности и предпринимательстве; 7571 человек были отнесены к группе «рабочие»³⁹.

Японские власти рассчитывали на то, что русские белоэмигранты смогут сыграть значительную роль в будущем военном конфликте между Японией и СССР⁴⁰. Они привлекали русских к деятельности в разведывательных структурах, к службе в различных подразделениях полиции и армейских формированиях. Первое воинское подразделение для русских эмигрантов (отряд Асано) численностью в 250 человек было создано в 1938 г. С 1940 г. на русских, как и на представителей других наций Маньчжоу-го, распространялась всеобщая воинская

повинность. После 1941 г. заметно увеличилось количество подразделений по подготовке разведывательно-пропагандистских кадров из числа русских эмигрантов. Японцы использовали эмигрантов для сбора сведений о Советском Союзе, его военном и промышленном потенциале. Русских эмигрантов привлекали к изучению материалов советской прессы и радиоперехватов, к организации разведки на советской территории, из них готовили агитаторов и пропагандистов для работы в советском тылу на случай войны⁴¹.

Но в целом японские власти относились русским эмигрантам весьма лояльно, предлагая им получить гражданство Маньчжурии, обещая им равные права с другими гражданами. Как отмечает Ксян Лиу, русским эмигрантам предлагалось не только инкорпорироваться в новое многонациональное государство, но и принять участие в его управлении⁴². Эндрю Холл подчеркивал, что в отличие от Кореи или Тайваня власти в Маньчжоу-го руководствовались тем, что местное неяпонское население во многом определяло развитие государства и потому должно было принимать участие в его управлении. Но в реальной жизни, конечно, все бразды правления принадлежали японцам⁴³.

«Новое движение в сфере образования»

Управление марионеточным государством Маньчжоу-го осуществлялось высшими командными чинами Квантунской армии. Но в то же время Маньчжоу-го привлекло многих японских интеллектуалов, которые пытались начать прогрессивные реформы в сфере образования. Предполагалось, что впоследствии результаты этих реформ могли быть использованы при реформировании системы образования в самой Японии. Как отмечает Эндрю Холл, «государство Маньчжоу-го стало площадкой для нового опыта в колониальной политике, проводимой Японией. Часто указывается на то, что японцы проводили эксперименты, тестируя новую экономическую модель, внедряя новые стили в архитектуре, разрабатывая новые инженерные подходы в железнодорожном деле и даже новые государственно-правовые решения, надеясь впоследствии экспортировать результаты как в Японию, так и в другие страны, входящие в состав империи. Они также использовали различные методы колониальной политики, включая привлечение к управлению государством представителей местного населения, ограничивая дискриминацию по национальному признаку... в Маньчжоу-го отрабатывались принципы государственной идеологии, проводимой в многонациональном государстве... учитывались интересы местного населения, уделялось внимание их языку и исторической памяти»⁴⁴.

Несмотря на то, что японские бюрократы большое внимание уделяли признанию японского языка в качестве основного, они оказывали сопротивление внедрению в учебный процесс материалов милитаристского и имперского содержания. Эти идеи соответствовали либеральному течению «Новое движение в сфере образования», которое было популярным в Японии в 1920-х гг., но не сумело себя реализовать в связи с усилением в стране в начале 1930-х гг. правых настроений. Среди основных принципов данного образовательного направления были практико-ориентированные, а не сугубо академические ме-

тоды обучения, предпочтение интернационализма национализму, поддержка не отдельных групп, в том числе по признакам исключительности и элитарности, а индивидуальных талантливых студентов. В Маньчжоу-го они видели возможность осуществления реформы в сфере образования, которые были практически невозможны в консервативной Японии... Они надеялись, что, развивая сферу образования, смогут сформировать новую государственную идеологию, осуществить подготовку коллаборационистов и тем самым повысить свою легитимность. Подобно всем колониальным режимам, японцы полагались на местных лидеров в сфере бизнеса и местного управления, которых рассматривали в качестве своих агентов⁴⁵.

На этих принципах японцы создали в Маньчжоу-го достаточно продвинутую и относительно независимую от имперско-милитаристской идеологии Японии систему образования, просуществовавшую до 1945 г., до признания Японией поражения во Второй мировой войне. За этот период было создано 12 тыс. начальных школ, 200 средних школ, 140 «нормальных школ» (для подготовки учителей), 50 технических и профессиональных школ. В системе образования работали 25 тыс. учителей и преподавателей и обучалось около 600 тыс. учеников. Также функционировали 1600 частных школ (имевших разрешение японских властей), 150 миссионерских школ и 25 русских школ (в Харбине). Японский язык был официальным, в то же время в школах Маньчжоу-го обучение велось и на китайском языке⁴⁶. В Маньчжоу-го открылось не менее 20 новых университетов. Ожидалось, что в них будут обучаться преимущественно жители Маньчжоу-го, но также планировалось, что постепенно эти университеты будут интегрированы в систему образования «Великой Японии»⁴⁷.

Одной из наиболее ярких страниц в истории системы образования в Маньчжоу-го является создание в 1938 г. университета Кенкоку⁴⁸ (Kenkoku University). Название университета означает «национальное созидание» (Nation-Building). Университет Кенкоку был открыт в Синьцзине⁴⁹ — столице государства Маньчжоу-го. Его основателем являлся генерал Квантунской армии Ишивара Канджи, который считался «архитектором» японской оккупации Маньчжурии. Среди остальных 20 университетов, открытых в Маньчжурии японцами, университет Кенкоку занимал особенное положение. «Кенкоку представлял собой университет, который подчинялся непосредственно Императору, а не министерству образования. Он контролировался государственным советом, поэтому его часто посещал император Пу И⁵⁰»⁵¹. Университет был создан с целью подготовки лидеров для нового панasiatского порядка, в котором Японии отводилась роль гегемона⁵². Эта цель определила многонациональный состав обучающихся здесь студентов, которые приезжали из разных восточноазиатских стран для изучения того, как модернизировать Азию под руководством Японии. Университет Кенкоку набирал студентов различных национальностей: японцев, китайцев, корейцев, тайваньцев, монголов и даже русских. Он несомненно был инкубатором для выращивания как политических, так и управленческих талантов⁵³.

В своем диссертационном исследовании, посвященном университету Кенкоку, американский исследователь японского происхождения Хирума Кишидо пишет: «Один из преподавателей вспоминает, что университет Кенкоку

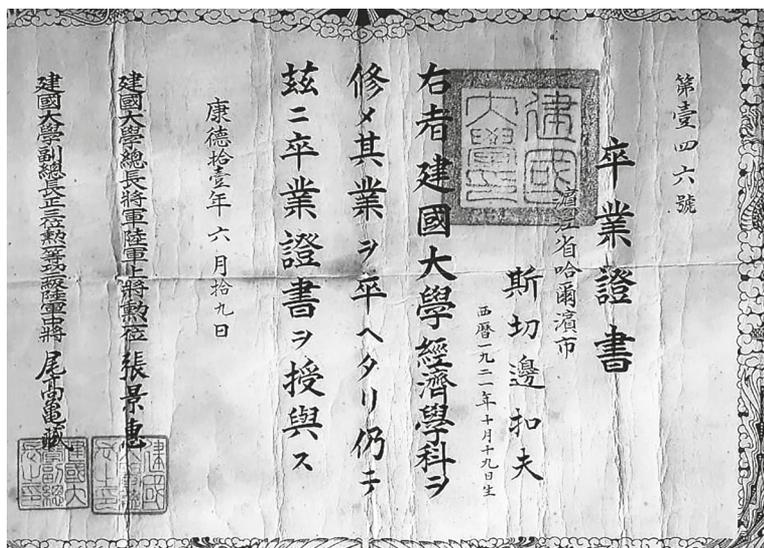
проводил обучение по собственной программе, отличающейся от японских университетов, которые, как полагал Ишивара, слишком находятся под влиянием Запада. По замыслу основателей университета новая академическая культура должна быть избавлена от западного влияния, полагаться только на азиатскую, преимущественно японскую, философию и традиции познания мира и на этой основе внести вклад в развитие образования и культуры во всем мире»⁵⁴.

Особый подход к подготовке государственных служащих высшего уровня начинался с формирования жестких требований к абитуриентам. Согласно «Руководству по управлению университетом Кенкоку» (*kenkoku daigaku sōsetsu yōkō*), ежегодно на обучение принималось 150 студентов мужского пола. Несмотря на то, что никаких квот по национальному признаку не было, состав обучающихся из года в год оставался неизменным: 75 японцев, 50 китайцев, остальные 25 — корейцы, монголы и русские⁵⁵. Маньчжуры, монголы, русские абитуриенты должны были быть неженатыми, не старше 21 года, иметь среднее образование, полученное в Японии или Маньчжоу-го (*kōkyū chūtō gakkō*). Требование наличия японского или маньчжурского среднего образования должно было свидетельствовать о том, что абитуриенты уже знакомы с японской системой образования⁵⁶.

Вступительные испытания в университет включали письменный экзамен и интервью. Письменный экзамен проводился по математике, географии, истории, композиции и японскому языку. Владение китайским, английским, французским, русским или немецким языками являлось требованием для японских абитуриентов. Знание японского языка было требованием для абитуриентов других национальностей. На принятие решения большое влияние оказывали результаты интервью. Кроме того, предъявлялись высокие требования к физическому здоровью. Один из членов приемной комиссии так описывал критерии отбора студентов: «наличие хорошего здоровья, высокие волевые качества, предпочтение способности превращать слова в действия и задатки сильного лидерства по сравнению с усидчивостью и прилежанием в учебе»⁵⁷.

Правительство Маньчжоу-го покрывало все расходы на обучение и проживание студентов. Бесплатно выдавались форма, кепка, пара кожаных ботинок и спортивной обуви, перчатки, коробка для завтрака, бутылка с водой, школьная сумка и школьные принадлежности. Кроме этого учащиеся получали ежемесячное пособие в размере пяти иен. Также бесплатно предоставлялись медицинские услуги⁵⁸. Щедрая финансовая поддержка была одним из основных факторов привлекательности университета, в который в первый год его существования было подано около 10 тыс. заявлений⁵⁹. Русский выпускник университета Кендай Всеволод Чеусов вспоминал, что в первый набор студентов были зачислены лишь пять русских абитуриентов, всего за период существования университета Кенкоку в нем обучался 31 русский студент.

Ян Тиньджо (Yan Tingqiao; в 1938 г. студент первого курса) вспоминал, что он был одним из четырех студентов, успешно сдавших все вступительные испытания среди двухсот других абитуриентов из харбинской средней школы (Harbin Daiichi Middle School), поступавших в университет⁶⁰.

Диплом выпускника университета Кенкоку В. Г. Щебенькова⁶¹.
Источник: из личного архива автора

Академическая программа была шестилетней и состояла из двух уровней, каждый из которых продолжался в течение трех лет, что значительно отличало университет Кенкоку от других японских университетов в Маньчжоу-го, где обучение осуществлялось в течение пяти лет. На первом уровне студенты получали общеобразовательные знания, им преподавали теорию Кенкоку (национального созидания), два языка, военную подготовку, трудовое дело и боевые искусства. Студентов в обязательном порядке обучали таким видам японских боевых искусств, как дзюдо, айкидо и кэндо. В течение этого периода обучения студенты должны были подготовиться к переходу на второй уровень, на котором преподавались такие предметы, как право, политика, экономика, этика, философия, история и помимо этого — трудовое и военное дело. Кроме курсов по изучению иностранного языка, все обучение велось на японском языке⁶².

Основатель университета Ишивара Канджи полагал, что после трех лет обучения в университете студенты должны «идти в реальную жизнь в Маньчжоу-го и работать до “седьмого пота”». После этого они могут вернуться в университет для продолжения обучения, обогащенные знаниями реальной жизни»⁶³. Поэтому практическим занятиям придавалось большое значение, а после третьего курса студенты выезжали в Японию для знакомства со страной и системой ее управления.

Университет национального созидания был откровенно идеологизированным учебным заведением и задумывался как уникальный опыт обучения лучших студентов Японской империи. Помимо обычных аудиторных занятий в нем были предусмотрены военная подготовка и буддийские медитации студентов; кроме того, они выращивали овощи и фрукты на университетском

поле. Пятнадцать глав колледжей отвечали за «воспитание характера» (*сингэ цзяюй*) студентов. Идеологическая направленность университета, пожалуй, ярче всего проявилась в учебной программе: студенты могли выбирать такие предметы, как управление, экономика и гуманитарные науки, политика и география (дополненные «японским духом»), плановая экономика и антикоммунизм. В Японии этот университет считался весьма престижным, а его выпускники могли рассчитывать на то, что по возвращении домой они смогут сделать карьеру на государственной службе⁶⁴. Университет Кенкоку гарантировал им трудоустройство в органах государственной власти, а также в Ассоциации Конкордия (Кубокай) — гражданской организации, спонсируемой государством⁶⁵.

Русские выпускники университета Кенкоку: непростые судьбы в непростые времена

Первыми русскими студентами университета Кендай, поступившими в 1938 и в 1939 г. стали Р. А. Северюков, С. А. Середкин, Е. В. Цвиров, Н. П. Вторушин, В. М. Петров, А. П. Аболмасов, Б. Н. Корнилов, В. Г. Щебенков, В. Я. Лихачев, В. В. Чеусов. Из них на второй, высший, уровень обучения были переведены пятеро: А. П. Аболмасов, Н. П. Вторушин, Б. Н. Корнилов, В. М. Петров и В. Г. Щебенков⁶⁶. Все молодые люди были выходцами из семей эмигрантов, в разные годы и по разным причинам прибывших в Маньчжурию. Так, семья С. А. Середкина бежала от красного террора из Читы в 1919 г., родители А. П. Аболмасова покинули Владивосток в 1924 г. через станцию «Пограничная» (КВЖД). Отец Б. Н. Корнилова служил у Колчака, поэтому в 1923 г. семья переехала в Маньчжурию также через станцию «Пограничная». Отец Е. В. Цвирова был старшим унтер-офицером во время японской войны и остался в Маньчжурии по ее окончании, работал на КВЖД, откуда в 1923 г. ушел на пенсию⁶⁷. В. В. Чеусов родился в Харбине, в семье счетовода, работавшего на КВЖД. В. Г. Щебенков прибыл в Маньчжурию с родителями в 1924 г. из г. Благовещенска (где он родился в 1921 г.) через Сахалян (сегодня Хэйхе). По некоторым сведениям, семья была вынуждена эмигрировать из-за страха репрессий в отношении казаков, которыми они являлись.

Все ребята получили хорошее образование, иначе они не смогли бы поступить в столь престижный университет и преодолеть высокий конкурсный отбор. Так, С. А. Середкин окончил первую православную русскую гимназию, где преподавали профессора из Санкт-Петербурга (английский язык, к примеру, вела княгиня Ухтомская). Б. Н. Корнилов учился в 3-й начальной школе г. Харбина, а в 1935 г. поступил и в 1937 г. окончил Первую правительственную гимназию для русских эмигрантов, учрежденную Управлением Биньцзянской провинции (ППГ) в Харбине. Е. В. Цвиров в 1932 г. поступил в Первое русское вышеначальное училище на Пристани, которое окончил в 1935 г. С сентября этого же года он начал обучение в ППГ, которую окончил в 1937 г. В. Г. Щебенков учился в начальной школе Святого Николая, затем поступил в ППГ и окончил ее в 1938 г.

Ученики Первой Правительственной гимназии для российских эмигрантов, г. Харбин, 1936 г. (Щебенков В.Г. — в середине в верхнем ряду).

Источник: из личного архива автора

После окончания университета Кенкоку все молодые люди были распределены в государственные учреждения и в университеты для работы в качестве государственных чиновников или преподавателей. А. П. Аболмасов окончил политико-административный факультет и был направлен преподавателем в Северо-Маньчжурский университет⁶⁸. С. А. Середкин после окончания университета в нем же остался для преподавания японского языка студентам не японцам. Е. В. Цвилов (политико-административный факультет) был направлен на работу в Государственную палату г. Синьцзиня в качестве кандидата на звание чиновника высшего разряда. В 1944 г. он поступил на курсы в институт «Датун» (высшая школа, где готовили кадры будущих руководителей государства)⁶⁹, по окончании которых в том же году был определен преподавателем японского языка в Северо-Маньчжурском университете (г. Харбин)⁷⁰. А. П. Аболмасов, так же как и Е. В. Цвилов, стал преподавателем в этом же университете. В. В. Чеусов в 1944 г. получил направление в русское отделение общества Кёвакай (Общество содружества и гармонии) на стажировку, параллельно преподавал японский язык в Северо-Маньчжурском университете. В начале 1945 г. он получил назначение в Хайлар, в русский отдел Кёвакай⁷¹. В. Г. Щебенков в 1944 г., после окончания экономического факультета университета Кенкоку, был также направлен на курсы в институт «Датун»⁷². Про В. Г. Щебенкова в анкете БРЭМ содержатся следующие сведения: очень способный ученик. Отличается прилежанием. По своему характеру является скромным человеком. Имеет слабое здоровье. После окончания курсов «Датун» В. Г. Щебенков был направлен на работу в учебный отдел Харбинского муниципалитета, где сначала работал

**Бывшие студенты университета Кенкоку: Г. В. Перминов (слева), В. В. Чеусов (в середине) и В. Г. Щебеньков. Хабаровск, 1989 г.
Источник: из личного архива автора**

в качестве помощника начальника отдела народного образования, а с ноября 1945 г. являлся секретарем горсовета Харбина.

В газете «Время» (Харбин) от 19 октября 1944 г. сообщалось: «На днях в Харбин возвратились русские, окончившие Государственный университет “Кенкоку-Дайгаку” и институт “Да-Тун”. В столице они получали подготовку на специальных курсах для кандидатов в государственные чиновники высшего разряда. В. М. Петров, получивший назначение в Муданьцзян, Дуньмынское провинциальное управление, уехал к месту службы. Новый сотрудник Центрального штаба Кио-Ва-Кай в Синьцзине Н. П. Вторушин прикомандирован к Биньзянскому провинциальному штабу Кио-Ва-Кай и на днях приступает к исполнению своих обязанностей. Б. Н. Корнилов, назначенный в Биньзянское провинциальное управление, и В. Г. Щебеньков, новый чиновник харбинского городского управления, — зачислены на службу с 20 октября. А. П. Аболмасов и Е. В. Цвилов уже приступили к своей работе в качестве лекторов Северо-Маньчжурского университета»⁷³.

У многих русских выпускников университета Кенкоку после окончания Второй мировой войны и победы СССР над Японией судьба складывалась не просто. Некоторые молодые люди эмигрировали в третьи страны, другие были осуждены и провели многие годы в колониях (по воспоминаниям В. В. Чеусова, таких было шесть человек). Так, в 1947 г. на 10 лет в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) был осужден С. А. Середкин. Японский исследователь Миязава приводит воспоминания некоторых русских выпускников университета Кенкоку: «Во время встречи с бывшими однокурсниками, состоявшейся в 1988 г. в Японии, русские выпускники рассказали, что они пережили очень трудные времена, связанные с тем, что они обучались в университете Кенкоку. Так, Че-

**С однокашниками по университету Кенкоку.
Япония, 1988 г. (В. Г. Щебенков в середине).
Источник: из личного архива автора**

усов и два его русских однокурсника по первому выпуску, Петров, попавший во второй набор студентов, а также Баус и Епов, поступившие в университет в четвертом наборе студентов, по возвращении в СССР провели 11 лет в исправительно-трудовых колониях»⁷⁴.

Выпускники университета Кенкоку участвовали в Хабаровском процессе над японскими военнопленными в качестве переводчиков. Е. В. Цвилов переводил допрос командующего Квантунской армией генерала Ямада Отозоо; Б. Н. Корнилов — допрос генерала Сато Сюдзи, который был начальником санитарной службы 5-й армии, входящей в состав Квантунской армии⁷⁵; В. Г. Щебенков — допрос бывшего командующего 1-м фронтом Квантунской армии генерала Кита Сейичи⁷⁶. В начале своей работы В. Г. Щебенков, как и многие другие переводчики, был «лицом без гражданства» — белоэмигрантом. Гражданство СССР он получил только в марте 1946 г. постановлением комиссии при Генконсульстве СССР в Харбине.

Русские выпускники помогали выжить своим бывшим преподавателям и сокурсникам. Представляют интерес воспоминания бывшего японского заключенного, профессора университета Кенкоку Ишимото, который, находясь под следствием, встретил бывшего русского студента университета некоего Ставинского, принимавшего участие в допросах. Именно ему, по мнению Ишимото, обязаны своим освобождением несколько японских студентов университета Кенкоку и пожилой профессор Мориа⁷⁷.

В послевоенный период многие выпускники университета Кенкоку заняли высокие посты в правительственных структурах Японии, Китая, Кореи. Так, выпускник Канг Янг Хун (Kang Young-Hoon) был премьер-министром Кореи с 1988 по 1990 г.⁷⁸ Иная судьба ожидала русских выпускников. Но кому-то из них удалось достичь высокого положения в обществе. Так, по утверждению Миязава, Вторушин стал Генеральным директором хабаровского отделения Общества японско-советской дружбы. Толкачев часто бывал в Японии в качестве переводчика⁷⁹. Согласно воспоминаниям Г. Г. Пермякова, Е. В. Цвилов стал помощником министра рыбной промышленности в Москве⁸⁰, В. Г. Щебенков — доктором исторических наук, профессором. Значительную роль В. Г. Щебенков сыграл в возобновлении подготовки востоковедов на Дальнем Востоке, в ведущем университете региона — Дальневосточном государственном университете в начале 1960-х гг. Длительное время он возглавлял сектор Японии в Институте истории, археологии и этнографии в Дальневосточном научном центре Академии наук СССР⁸¹.

События, происходившие в первой половине XX в. на Дальнем Востоке и особенно связанные с судьбами молодой русской элиты, прошедшей обучение в самом престижном японском университете, несмотря на высокий к ней интерес в последние годы, остаются до сих пор малоизученными. К сожалению, многие русские выпускники университета Кенкоку по разным причинам не могли быть откровенны в своих воспоминаниях о жизни в оккупированной Японией Маньчжурии, и особенно о своей судьбе по возвращении в СССР. Так, автор статьи неоднократно пыталась «разговорить» профессора В. Г. Щебенкова, но каждый раз при переходе на «пограничную тему» слышала: «Не знаю, не помню». Но, собирая по крупицам историю событий того времени, необходимо понимать, каким сильным, выносливым и талантливым было поколение русских маньчжурских студентов и сколь многому мы могли бы у них научиться.

¹ Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / отв. ред. М. В. Ходяков. СПб., 2020. С. 73.

² Там же. С. 160.

³ *Charygin I. V. Manchuria and the CER line as Historically Formed in 1917 Foreign Centers of Russian Settlement on the Territory of North-Eastern China // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* 2014. № 11. С. 1863–1865.

⁴ Строительство КВЖД в Приморье началось 116 лет назад // РИА Новости: [сетевое изд.]. 16 авг. 2013. URL: <https://ria.ru/20130816/956645802.html> (дата обращения: 12.12.2021).

⁵ *Charygin I. V. Manchuria and the CER line...* С. 1863–1865.

⁶ Там же. С. 1867.

⁷ Там же. С. 1865–1866.

⁸ Там же. С. 1867.

⁹ Центр и регионы: экономическая политика правительства... С. 161; *Суходолов А. П.* Китайская восточная железная дорога: опыт России и Китая по совместной реализации крупномасштабных проектов // *Известия Иркутской государственной экономической академии.* 2014. № 3 (95). С. 76.

¹⁰ *Charygin I. V. Manchuria and the CER line...* С. 1867. Термин «русскоязычная диаспора» в данном контексте более корректен, поскольку включает не только русских, но и украинцев, татар, евреев, армян, поляков и лиц других национальностей, прибывших в Маньчжурию из России.

- ¹¹ Суходолов А. П. Китайская восточная железная дорога. С. 75.
- ¹² Центр и регионы: экономическая политика правительства... С. 89.
- ¹³ Суходолов А. П. Китайская восточная железная дорога. С. 76.
- ¹⁴ Центр и регионы: экономическая политика правительства... С. 89.
- ¹⁵ URL: <https://journals.library.ualberta.ca/pi/index.php/pi/article/view/1419> (дата обращения 28.12.2021).
- ¹⁶ Центр и регионы: экономическая политика правительства. С. 82.
- ¹⁷ *Circo S.* Ukrainians in Manchuria, China: A Consise Historical Survey // *Past Imperfect*. 1992. Vol. 1. URL: <https://journals.library.ualberta.ca/pi/index.php/pi/article/view/1419> (дата обращения: 28.12.2021).
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Свобода трансграничного перемещения привлекла в Восточный Китай амурских казаков, которые с конца XIX в. перегоняли в Трехречную дельту свои отары и стада на выпас, заготавливали в этих краях сено, распахивали целину. Позднее казаки стали оседать здесь на постоянное место жительства.
- ²⁰ *Малашенко А.* Едут по Сиднею наши казаки. Как в Австралии появились казачьи станции // ТАСС: информ. агентство. 15 дек. 2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13189959> (дата обращения: 12.01.2022).
- ²¹ Сегодня для обозначения данного специфического вида эмиграции используется понятие «утечка умов».
- ²² *Хисамутдинов А. А.* Русское высшее образование в Китае // *Вопросы образования*. 2015. № 4. С. 275.
- ²³ В 1922 г. школа была переименована и стала называться Российско-китайский промышленный институт, на базе которого был создан современный Харбинский политехнический университет (ХПИ).
- ²⁴ *Хисамутдинов А. А.* Русское высшее образование в Китае. С. 274.
- ²⁵ *Moustafine M.* Russians from China: Migrations and Identity // *Cosmopolitan Civil Societies: an Interdisciplinary Journal*. 2013. Vol. 5, no. 2. P. 149.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ URL: <https://lenta.ru/articles/2018/09/11/foshizd/> (дата обращения: 15.01.2022).
- ²⁸ В 1926 г. граница была закрыта с советской стороны и в 1932 г. с китайской стороны японскими оккупантами
- ²⁹ *Moustafine M.* Russians from China: Migrations and Identity. P. 146. По подсчетам эмигрантской общественной организации «Русское общество в Маньчжурии и Монголии», к началу 1930-х гг. в Маньчжурии проживало примерно 110 тыс. человек — выходцев из бывшей Российской империи и СССР, из которых около 60 тыс. имели статус эмигранта, а остальные 50 тыс. являлись советскими гражданами. Основная часть и тех и других — 45 тыс. — расселилась в полосе отчуждения КВЖД, главным образом в Харбине.
- ³⁰ Группировка японских войск, предназначенная для нападения на Китай, Монголию и Советский Союз, была создана в 1918 г. на территории Квантунской области — юго-западной оконечности Ляодунского полуострова, откуда и получила свое название Квантунская армия. — URL: https://w.histref.ru/articles/article/show/kvantunskaja_armiia (дата обращения: 22.12.2021).
- ³¹ *Xiaoyan Liu.* A State without Nationals: the Nationality Issue in Japan's making of Manchukuo: All Theses and Dissertations (ETDs). URL: <https://openscholarship.wustl.edu/etd/512> (дата обращения: 15.01.2022).
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Аргунь — название реки в Российской Федерации. В Китае ее название Хайлар (Hailar) (额尔古纳河 *Ē'ěrgūnà hé*).
- ³⁵ *Avila-Tapiés R.* Co-ethnic Spatial Concentrations and Japan's 1930s Concord Project for Manchukuo // *Geographical review of Japan. Series B*. 2016. Vol. 88, iss. 2. P. 54–55. <https://doi.org/10.4157/geogrevjapanb.88.47>
- ³⁶ *Xiaoyan Liu.* A State without Nationals... URL: <https://openscholarship.wustl.edu/etd/512> (дата обращения: 15.01.2021).

- ³⁷ *Avila-Tapias R.* Co-ethnic Spatial Concentrations and Japan's 1930s Concord Project for Manchukuo. P. 48–49.
- ³⁸ *Moustafine M.* Russians from China: Migrations and Identity. P. 149.
- ³⁹ *Cipco S.* Ukrainians in Manchuria, China: A Consise Historical Survey // *Past Imperfect*. 1992. Vol. 1. URL: <https://journals.library.ualberta.ca/pi/index.php/pi/article/view/1419> (дата обращения: 28.12.2021).
- ⁴⁰ Согласно материалам допроса командующего 1-м фронтом Квантунской армии генерала Кито Сейичи (переводчик Щебенков В. Г.), наступательный план «ОЦУ», разработанный японцами, предусматривал захват всего Дальнего Востока вплоть до озера Байкал. См.: Из архива президента // *Родина*. 2010. № 9. С. 55.
- ⁴¹ URL: <https://lenta.ru/articles/2018/09/11/foshizd/> (дата обращения: 15.01.2022).
- ⁴² *Xiaoan Liu.* A State without Nationals... URL: <https://openscholarship.wustl.edu/etd/512> (дата обращения: 15.01.2021).
- ⁴³ *Hall Andrew Reed.* Constructing a 'Manchurian' Identity: Japanese Education in Manchukuo, 1931–1945. URL: <https://d-scholarship.pitt.edu/10386/> (дата обращения: 25.01.2021).
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ *Manchukuo* // *New World Encyclopedia*. URL: <https://www.newworldencyclopedia.org/entry/manchukuo> (дата обращения: 10.12.2021).
- ⁴⁷ *Дюбуа Т. Д.* Идеология и контроль: инструменты авторитаризма в японской Маньчжурии // *Берегния*. 777. СОВА. 2016. № 4 (31). С. 299.
- ⁴⁸ На китайском — университет Цзяньго (традиционный китайский: 建國大學; японский: 建国大学). Другая версия названия университета *Manshu Kenkoku Daigaku* (Manchuria National Foundation University, также известный как *Kendai* — Кендай).
- ⁴⁹ Ныне — Чанчунь.
- ⁵⁰ Пу И — последний император Китая, которого японцы поставили во главе марионеточного государства Маньчжоу-го
- ⁵¹ *Leung E.* The School That Built Asia // *Palladium*. August 20, 2021. URL: <https://palladiummag.com/2021/08/20/the-school-that-built-asia/> (дата обращения: 23.01.2022).
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ *Kishida Yuka Hiruma.* Kenkoku University, 1938–1945: interrogating the praxis of Pan-Asianist ideology in Japanese occupied Manchuria. URL: <https://iro.uiowa.edu/esploro/outputs/doctoral/Kenkoku-University-1938-1945-interrogating-the-praxis/9983777268902771> (дата обращения: 28.02.2022).
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ *Kishida Yuka Hiruma.* Kenkoku University, 1938–1945... URL: <https://iro.uiowa.edu/esploro/outputs/doctoral/Kenkoku-University-1938-1945-interrogating-the-praxis/9983777268902771> (дата обращения: 28.02.2022).
- ⁶¹ Диплом написан на двух языках: японском и китайском и подписан ректором университета Кенкоку — генерал-полковником Zhang Jinhui, вторая подпись — проректора генерал-лейтенанта Suetaka Kamezou, известного в то время японского деятеля. Из личного архива И. В. Войко, дочери В. Г. Щебенкова.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ *Дюбуа Т. Д.* Идеология и контроль... С. 299.
- ⁶⁵ *Kishida Yuka Hiruma.* Kenkoku University, 1938–1945... URL: <https://iro.uiowa.edu/esploro/outputs/doctoral/Kenkoku-University-1938-1945-interrogating-the-praxis/9983777268902771> (дата обращения: 28.02.2022).
- ⁶⁶ *Плискина В. Н.* Русские переводчики из Харбина // *Культура и наука Дальнего Востока*. 2019. № 1 (26). С. 74.

⁶⁷ Плискина В. Н. Русские переводчики из Харбина и Хабаровский процесс // Шестые архивные научные чтения им. В. И. Чернышевой: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Дальний Восток России: от прошлого к будущему». Хабаровск, 20 нояб. 2019 г. Хабаровск, 2020. С. 343–346.

⁶⁸ Аболмасов Анатолий Петрович // Российские эмигранты в Маньчжурии: библиограф. справочник. URL: <https://gakhk.khabkrai.ru/projects/brem/46618/> (дата обращения: 28.02.2022).

⁶⁹ Плискина В. Н. Русские переводчики из Харбина. С. 74.

⁷⁰ Там же. С. 343.

⁷¹ Левитский В. В. Воскресение имени: историко-филологическое обозрение. Харьков, 2002. С. 77.

⁷² Согласно БРЭМ, в 1944 г. зачислен на специальные курсы государственных чиновников при Управлении Биньцзянской провинции. Из выпускников кроме Щебенкова на эти курсы были зачислены Корнилов и еще двое маньчжур и двое японцев.

⁷³ Плискина В. Н. Русские переводчики из Харбина. С. 76.

⁷⁴ Kishida Yuka Hiruma. Kenkoku University, 1938–1945... URL: <https://iro.uiowa.edu/esploro/outputs/doctoral/Kenkoku-University-1938-1945-interrogating-the-praxis/9983777268902771> (дата обращения: 28.02.2022).

⁷⁵ Плискина В. Н. Русские переводчики из Харбина. С. 81.

⁷⁶ Родина. 2020. № 9. С. 55.

⁷⁷ Kishida Yuka Hiruma. Kenkoku University, 1938–1945... URL: <https://iro.uiowa.edu/esploro/outputs/doctoral/Kenkoku-University-1938-1945-interrogating-the-praxis/9983777268902771> (дата обращения: 26.02.2022).

⁷⁸ Ernest Leung. The School That Built Asia. URL: <https://palladiummag.com/2021/08/20/the-school-that-built-asia/> (дата обращения: 20.02.2022).

⁷⁹ Kishida Yuka Hiruma. Kenkoku University, 1938–1945... URL: <https://iro.uiowa.edu/esploro/outputs/doctoral/Kenkoku-University-1938-1945-interrogating-the-praxis/9983777268902771> (дата обращения: 26.02.2022).

⁸⁰ Плискина В. Н. Русские переводчики из Харбина. С. 80.

⁸¹ Кожевников В. В. Японовед с дипломом китайского университета // Россия и АТР. 2011. № 2. С. 55.

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2022 г.

Рекомендована к печати 21 августа 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бойко И. В. Японское элитарное образование для русских эмигрантов в Маньчжоу-го // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 4. С. 999–1017. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.411>

Аннотация: Русская эмиграция в Маньчжурии начала XX в. занимает особое место в истории России. В ее судьбах отразились не только крупнейшие события в нашей стране, такие как Гражданская война и коллективизация, но и процессы, связанные с оккупацией Маньчжурии Японией в 1931 г., а также последующая капитуляция Японии и связанный с этим новый этап в самоопределении русских переселенцев. Целью данной статьи является анализ положения русских эмигрантов в Маньчжоу-го и определение социального статуса русских студентов японского университета Кенкоку. В статье дается анализ нескольких волн русской эмиграции в Китай, каждая из которых отличалась как причинами эмиграции, так и социальным статусом переселенцев. Исследуются особенности положения русских мигрантов в Маньчжоу-го. Дается характеристика японской политики в сфере образования, осуществляемой в Маньчжоу-го, и выделяется особая роль университета «национального созидания» — Кенкоку, созданного в 1938 г. Приводятся данные о русских студентах университета Кенкоку и их судьбах после капитуляции Японии. Используются отечественные и зарубежные публикации, воспоминания выпускников Кенкоку, материалы из личного архива. История Маньчжоу-го и особенности высшего

образования в этом государстве вызывают в последние годы повышенный интерес у исследователей в разных странах мира. Однако в нашей стране эта тема остается малоизученной. Материалы и выводы, содержащиеся в статье, могут быть полезны для дальнейших исследований русской эмиграции в Маньчжурии в целом и в период существования Маньчжоу-го в частности, а также для понимания мультикультурного подхода к подготовке высококвалифицированных специалистов в многонациональном государстве.

Ключевые слова: КВЖД, русская эмиграция, Маньчжоу-го, университет Кендай, Квантунская армия, японские военнопленные, хабаровский процесс.

Сведения об авторе: *Бойко И. В.* — д-р экон. наук, проф., Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Россия); boyko-iv@ranepa.ru

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Россия, 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., 57/43

FOR CITATION

Boiko I. V. 'Japanese Elite Education for Russian Emigrants in Manchukuo', *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 4, 2022, pp. 999–1017. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.411> (In Russian)

Abstract: The Russian emigration in Manchuria at the beginning of the 20th century represents a very special history. The destinies of the Russian emigrants reflected the harsh circumstances of the civil war and collectivization, Japanese occupation of Manchuria in 1931, followed by the Japanese capitulation, which ended the WWII. The article is aimed on the analysis of the Russian emigrants societal position in Manchukuo, specified for the Russian students of the Japanese university Kenkoku. The article highlights several waves of the Russian emigration to Manchukuo, each as distinctive by its reasons and social composition. Pursuing the multicultural composition of the new state Manchukuo, the Japanese policy was just loyal towards the Russian immigrants, which provided them the equal rights with the other nationalities at the access to higher education. The "National Building University" — Kenkoku, which was founded in 1938 and aimed on training the higher state administrative personnel, was open for the various nationalities, including Russians. The destinies of the Russian alumni of the Kenkoku university when they returned to the motherland after the Japanese capitulation was not an easy. Substantial reminiscences of the witnesses, Russian and non-Russian historic publications, personal archived documents are the basis for the given research. The Manchukuo short history in general and the history of the higher education there in particular have been occupying an increasing research interest all over the world. Distinctively, this issue remains unexplored in Russia. The article outcomes and materials are useful for the historians, engaged into the study of the Russian emigration to Manchuria and residence of the emigrants during the Manchukuo history. The multicultural principles of the Japanese university Kenkoku, applied for the Manchukuo diverse population represents an outstanding experience for the future generations as well.

Keywords: Chinese Eastern Railway, Russian emigration, Manchukuo, Kenkoku university, Kwantung army, Japanese prisoners of war, Khabarovsk war crime trials.

Author: *Boiko I. V.* — Dr. Sci. in Economics, Professor, North-West Institute of Management — Branch of RANEPa (St Petersburg, Russia); boyko-iv@ranepa.ru

North-West Institute of Management — Branch of RANEPa, 57/43, Sredniy pr. V. O., St Petersburg, 199178, Russia

References:

Avila-Tapiés R. 'Co-ethnic Spatial Concentrations and Japan's 1930s Concord Project for Manchukuo', *Geographical Review of Japan*, Series B, vol. 88, iss. 2, 2016. <https://doi.org/10.4157/geogrevjapanb.88.47>
Center and regions: the government economic policy, pursued for the Russian imperial suburbs (1894–1917), ed. M. V. Khodjakov (St Petersburg, 2020). (In Russian)

- Chapygin I.V. 'Manchuria and the CER line as Historically Formed in 1917 Foreign Centers of Russian Settlement on the Territory of North-Eastern China', *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, no. 11, 2014.
- Dubois T.D. 'The ideology and control: the authoritarian instruments in the Japanese Manchukuo', *Bereginya 777. SOVA*, no. 4, 2016. (In Russian)
- Khisamudinov A.A. 'The Russian higher education in China', *Voprosy Obrazovaniia*, no. 4, 2015. (In Russian)
- Kozhevnikov V.V. 'Japanologist with the Chinese university diploma', *Rossii i ATR*, no. 2, 2011. (In Russian)
- Levitskii V.V. *Name Resurrection: Historical and Philological Review* (Kharkov, 2002). (In Russian)
- Moustafine M. 'Russians from China: Migrations and Identity', *Cosmopolitan Civil Societies: an Interdisciplinary Journal*, vol. 5, no. 2, 2013.
- Pliskina V.N. 'The Russian translators from Harbin', *Kul'tura i nauka Dal'nego Vostoka*, no. 1, 2019. (In Russian)
- Pliskina V.N. 'The Russian translators from Harbin and the Khabarovski trial' in *Shesty arhivnye nauchnye chteniia im. V.I.Chernishevoi: materialy Vserossiskoi nauchno-practicheskoi konferentsii "Dal'nii Vostok Rossii: ot proshlogo k budushchemu"* (Khabarovsk, 2020). (In Russian)
- Sukhodolov A.P. 'The East Chinese railroad: the experience of the Russian-Chinese cooperation in the largescale projects implementation', *Izvestiia IGEA*, no. 4, 2014. (In Russian)

Received: February 28, 2022

Accepted: August 21, 2022